ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРВЕНЦИИ НА НАДНАЦИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ: ТИПОЛОГИЯ И МЕХАНИЗМЫ РЕАЛИЗАЦИИ

С. А. Кристиневич

Белорусский государственный экономический университет,
Минск, Беларусь

В условиях обострения глобальной конкуренции и использования силовых инструментов реализации экономической политики возникает необходимость в обосновании возможных стратегий межсубъектного взаимодействия на наднациональном уровне. На основе гипотезы о неравномерном распределении потенциала насилия среди экономических субъектов описана модель силового перераспределения, проявляющаяся в целенаправленном манипулировании правилами и/или механизмами принуждения к их соблюдению. В статье развивается авторская концепция институциональных интервенций. Последние рассматриваются в качестве стратегии межсубъектного взаимодействия в глобальной экономике. Институциональная интервенция представляет собой поведенческую модель, основанную на принуждении через установление (изменение) правил. Определены методологические основы, предпосылки и теоретические рамки исследования институциональных интервенций как формы недобровольного обмена. Автором впервые описано состояние насильственного равновесия, характеризующееся тем, что дальнейшее использование силового потенциала для интервента ведет к снижению легитимности и росту издержек контроля, а сопротивление объекта интервенции установленному институциональному порядку вызывает возрастание издержек неподчинения. Кроме того, обосновано положение о том, что для насильственного равновесия характерно не распределение выигрыша от взаимодействия как при добровольном обмене, а согласование уровня терпимости жертвы (максимальной величины издержек, которую готова нести жертва) и порогового (минимально возможного) значения легитимности интервента. В качестве ориентиров для оценки отклонений от равновесия предложены уровни устойчивости и легитимности институционального дизайна. Разработан обобщенный механизм реализации институциональных интервенций.

Ключевые слова: недобровольный обмен, экономическая власть, силовое перераспределение, насильственное равновесие.

INSTITUTIONAL INTERVENTIONS ON SUPRANATIONAL LEVEL: TYPOLOGY AND MECHANISMS OF REALIZATION

Sergey A. Kristinevich

Belarusian State Economic University, Minsk,
Republic of Belarus

In conditions of global competition intensification and use of power tools to pursue economic policy it becomes necessary to substantiate possible strategies of inter-entity interaction on supranational level. Based on the hypothesis of uneven distribution of violence potential among economic entities the author described a model of power re-distribution, which shows in deliberate manipulation of rules and/or mechanisms of compulsion to their observance. The article develops the author's concept of institutional interventions. They are considered as strategies of inter-entity interaction in global economy. Institutional intervention is a behavior model based on compulsion through fixing (changing) rules. The author identifies methodological foundations, prerequisites and theoretical frames of investigating institutional interventions as a form of involuntary exchange. The author was the first to describe the situation of forced balance characterized by the fact that further use of power potential can cause a drop in legitimacy and growth in control costs for invader, while resistance of the intervention object to established institutional order can cause a rise in disobedience costs. Apart from that the article grounded a thesis that for the forced balance it is not typical to distribute the gain of interaction like with voluntary exchange, it is typical to come

to an agreement concerning the level of victim's tolerance (maximum costs, which the victim is ready to endure) and a threshold (minimum possible) value of invader legitimacy. As landmarks for assessing the deviations from balance levels of stability and legitimacy of institutional design were proposed. A generalized mechanism for institutional intervention realization was developed.

Keywords: involuntary exchange, economic power, power redistribution, forced balance.

Введение

Среди фундаментальных проблем теоретической экономики особое место занимает блок вопросов, связанных с описанием, объяснением и моделированием межсубъектного взаимодействия на разных уровнях анализа. Если на микроэкономическом уровне негласной академической конвенцией, доминирующей в современных публикациях, является модель рациональных или ограниченно рациональных субъектов, которые строят взаимодействия преимущественно по правилам рыночного обмена, то на наднациональном уровне такое взаимодействие не всегда возможно поместить в описанный выше шаблон. Проблема состоит в том, что акторы политического и экономического процесса на наднациональном уровне обладают явно выраженным неодинаковым ресурсом власти. Неоднородность распределения власти допускает возможность применения такой ее формы, как насилие. Неравномерно распределенный потенциал насилия субъекты склонны использовать как инструмент глобальной конкуренции. Насилие как форма властных отношений, в которых одна сторона способна удерживать в недобровольном обмене другую сторону, может проявляться в конкретных действиях доминанта или угрозе совершения этих действий. В зависимости от действенности механизмов принуждения формируются ожидания по поводу дальнейшего взаимодействия.

Обзор научной литературы позволяет сделать вывод, что проблема исследования насилия актуальна и освещается с различных методологических подходов: от узкоспециализированных [13; 17; 18; 21] до междисциплинарных [1; 3; 5; 10; 11; 12]. Включение в экономический анализ насилия дает возможность очертить ряд пер-

спективных проблем, требующих как теоретического осмысления, так и выработки конкретных экономических решений. В статье развивается гипотеза о неравномерном распределении потенциала насилия среди акторов политико-экономического процесса, проявляющемся в целенаправленном манипулировании правилами и/или механизмами принуждения к их соблюдению [7]. Целью работы на данном этапе выступает концептуализация и обоснование механизмов реализации силовых перераспределительных процессов на наднациональном уровне экономики.

Институциональные интервенции: теоретические основы

Среди прочих последствий маржиналистской революции в экономической теории было распространение представления о том, что идеальной формой межсубъектного взаимодействия является добровольный рыночный обмен. В общем виде хрестоматийная аргументация представлена на рис. 1.

Рис. 1. Логика традиционного рыночного межсубъектного взаимодействия

Если же предположить, что исходное соотношение власти у субъектов разное, то

логическая цепочка меняет содержание (рис. 2).

Рис. 2. Логика властных экономических отношений

Интервенция как инструмент институциональной политики – это модель силового перераспределения, проявляющаяся в целенаправленном манипулировании правилами и/или механизмами принуждения к их соблюдению *по причине* использования экономическими субъектами преимуществ в потенциале насилия. *Результатом* институциональных интервенций выступают искажения функционирования аллокационных механизмов, ограничение доступных альтернатив поведения, рост/снижение издержек у экономических субъектов [7].

Институциональная интервенция как стратегия межсубъектного взаимодействия – это поведенческая модель, основанная на принуждении через установление (изменение) правил. Интервенты – субъекты, принимающие решения о выборе институциональной траектории (проектировщики), и лица, непосредственно реализующие институциональное изменение (исполнители). Жертва – объект институциональной интервенции. Ключевой характеристикой взаимодействия выступает обмен. Современный микроэкономический подход рассматривает преимущественно в качестве репрезентативного добровольный

обмен. Добровольным называют такой обмен, в процессе которого взаимодействие участников не наносит ущерб собственным интересам и принимаются во внимание интересы партнеров. Недобровольный обмен характеризуется тем, что одна из сторон находится в состоянии принуждения, добровольный выход из обмена невозможен и набор поведенческих альтернатив строго ограничен.

Рыночный обмен представляет собой вариант взаимодействия, основанный на принципах добровольности, взаимовыгодности, регулярности, кооперативности и конкурентности. Итогом выгодного взаимодействия участников рынка является равновесие. Понимание рынка как способа координации экономической деятельности предполагает рассмотрение конкурентного равновесия в качестве базисного результирующего состояния. Простейшей моделью такого равновесия считается экономика чистого обмена, исключая из анализа сферу производства. В общем виде для случая n агентов и k благ ситуация экономического обмена может быть описана системой уравнений [4. – С. 83]:

$$A_1^i = k_1^i(p_1^i(A_1^i, A_1^{-i}) - p_m^i),$$

...

$$A_n^i = k_n^i(p_n^i(A_n^i, A_n^{-i}) - p_m^i),$$

$$A_s^i = k_s^i(p_s^i(A_s^i) - p_m^i),$$

$$p_m^i = a_i(A_1^i + \dots + A_n^i - A_s^i),$$

где $A_1^i, \dots, A_n^i$ – объемы спроса на благо i со стороны агентов $1, \dots, n$;

$A_s^1, \dots, A_s^k$ – объемы предложения благ $1, \dots, k$;

$p_i^j(A_i^j, A_i^{-j})$ – обратная функция спроса на благо j со стороны агента i , где $A_i^1 = \{A_i^1, \dots, A_i^{j-1}, A_i^{j+1}, \dots, A_i^k\}$;

$p_s^i(A_s^i)$ – обратная функция предложения блага $i = 1, \dots, k$;

$p_m^1, \dots, p_m^k$ – рыночные цены благ $1, \dots, k$, формируемые в процессе обмена.

Точка равновесия определяется из уравнения

$$p_1^i(A_1^i, A_1^{-i}) = \dots = p_n^i(A_n^i, A_n^{-i}) = \\ = p_s^i(A_1^i + \dots + A_n^i), i = 1, \dots, k.$$

Базовые типы взаимодействия – рынок, борьба, игра, насилие – позволяют заключить, что для институциональной интервенции характерны последние три [8]. Если возможен торг между субъектами, применимы борьба и игра, если торг исключается, взаимодействие организуется по типу «насилие».

При анализе институциональных интервенций в глобальной экономике продуктивным выглядит взаимодействие по типам «борьба» и «игра». Модель «интервент – жертва» в рамках этих типов отношений позволяет описать варианты воздействия интервентов и ответных реакций жертв. В мировом политико-экономическом пространстве роли интервента и жертвы размыты. Поскольку акторами здесь выступают международные организации, интеграционные объединения, клубы правительств, отдельные государства и т. п., их позиция по отношению к одним будет характеризоваться как интервенционистская, но положение по отношению к другим может быть зависимым.

Цели интервентов обладают широким спектром: от тактических – конструирования правил, улучшающих условия ведения бизнеса для национальных компаний, до стратегических – экспорта идеологий. На подготовительном этапе активно используются технологии воздействия на массовое сознание. Результативность воздействия, как правило, оценивается сопоставлением планируемого изменения поведения объекта с фактически полученным. Сложной задачей является моделирование восприятия реальности в краткосрочном периоде. Для этой цели обычно используется такая форма рефлексивного управления, как поведенческое оружие, под которым принято понимать комплекс действий, нацеленных на эксплуатацию поведенческих стереотипов [9]. Облегчает задачу накопление в Интернете данных о человеческом поведении (больших данных – Big Data). Технология позволяет с помо-

щью программных инструментов структурировать огромные массивы информации и на их основе анализировать привычки, поведение и ценностные установки больших социальных групп. Информационное воздействие приводит к мировоззренческим и ценностным искажениям на персональном и общественном уровне. Это в свою очередь в долгосрочном периоде ведет к деформации (снижению устойчивости) существующих неформальных институтов и появлению новых, не всегда адекватных практик восприятия реальности через смысловые шаблоны и искусственно сконструированные паттерны. Конечной целью такого манипулятивного воздействия на объект, как правило, является снижение общего конкурентного потенциала и адаптивности к изменениям. Сдерживание или по крайней мере фильтрация информационного контента становится актуальной проблемой в процессе выработки стратегий межсубъектного взаимодействия на глобальном уровне. Реакцией на этот вызов и распространенной практикой является разработка национальных систем информационной безопасности.

Типология институциональных интервенций

Интервенция будучи инструментом институциональной политики выполняет перераспределительную функцию, так как изменяет устоявшиеся правила, по которым происходит распределение ограниченных ресурсов. Такое перераспределение в зависимости от его масштаба предполагает существование актора (или группы), который будет нести издержки. Поэтому при проектировании новых правил актуализируется проблема скорости реформирования и периода его проведения.

Скорость. Необходимо выделить два временных периода проведения институциональной политики:

– долгосрочный период предполагает последовательную трансформацию формальных и неформальных правил с целью

создания необходимого институционального дизайна с высоким потенциалом легитимации выбранных траекторий общественного развития;

– краткосрочный период, для которого характерен формат институциональной политики, ориентированной на быстрый результат, путем изменения только формальных институтов. Безусловно, такой вариант предполагает высокую скорость реформ, которая, как правило, сопровождается высокой величиной издержек реформирования и рисками отторжения новых правил старой институциональной системой.

Период. Минимизация потерь при проведении институциональной интервенции требует учета периода ее проведения с точки зрения политико-экономической цикличности в стране. Политический деловой (политико-экономический или электоральный) цикл иллюстрирует периодичность экономической и политической активности правительства между выборами. Причиной возникновения политико-экономических циклов является воздействие политиков на социально-экономические показатели для формирования сигнала об эффективности курса действующего правительства.

Исследование институциональных интервенций на наднациональном уровне имеет ряд особенностей. Во-первых, распределение насилия на этом уровне не всегда регламентировано формально, поэтому статус интервента может иметь не легитимный, а самопровозглашенный характер. Во-вторых, диапазон областей приложения силового перераспределения настолько широк, что вызывает затруднения в создании универсальных техник его применения. Поэтому целесообразным выглядит применение *ad hoc*-анализа и инструментария в зависимости от конкретных целевых функций глобальных интервентов. В-третьих, многообразие диспозиций (эмбарго, членство в интеграционных объединениях, международных клубах, военно-политических блоках, нахождение

в санкционных списках и т. п.) и интервента, и жертвы порождает переплетение целевых функций и необъятное поле стратегического взаимодействия [8].

Интересы глобальных акторов отличаются не только масштабностью, но и инструментами их достижения. Все многообразие взаимодействий в этом пространстве целесообразно структурировать в аналитических целях. Формальное выделение идеальных типов: институциональная интервенция, стимулирующая положительный экстернальный эффект, и институциональная интервенция, вызывающая отрицательный экстернальный эффект, – позволит наблюдать и описывать их проявление на практике в смешанных формах. Рассмотрим некоторые из них.

Использование иерархичной целевой функции с комбинированным набором целей. Такая стратегия предполагает наличие в институциональном проекте такой иерархии целей, которая создает как положительную, так и отрицательную экстерналию. Подобная практика существует, например, в деятельности Всемирной торговой организации. Наряду с положительными эффектами для стран-членов (справедливая конкуренция, новые рынки сбыта и т. д.) не всегда соблюдается принцип равноправия. В определенных случаях приоритет отдается игрокам, обладающим большей переговорной силой: транснациональным корпорациям и странам с ресурсным превосходством [6; 19]. Не всегда соблюдаются условия паритетности для некоторых секторов экономики или вопреки целям организации среди государств – членов ВТО допускается односторонняя санкционная политика (например, антикубинские или антиросийские санкции).

Скрытая институциональная интервенция с плавающими правилами (перераспределение в пользу сильных партнеров). Еще одним проявлением институциональной интервенции является сознательное изменение правил со стороны субъекта, обладающего большим потенциалом власти. Та-

кая тактика применима в интеграционных группировках различного уровня. Примером может служить институциональная политика крупных экономик Евросоюза по отношению к некоторым странам-членам (ликвидация сахарной отрасли в Латвии, угольной промышленности в Польше, закрытие заводов в Эстонии и т. п.). Дополнительные правила призваны устранить излишнюю конкуренцию и обеспечить эффективное функционирование некоторых производителей. В случае отказа автоматически происходит сокращение потока дотаций из бюджета Европейского союза. Формула недобровольного обмена выглядит так: финансирование в обмен на отказ от отраслей национальной экономики. Существует множество примеров, когда отдельные страны используют неравномерность распределения сил в интеграционном объединении для продвижения своих интересов (Франция в ЕС для Средиземноморья, ЮАР в Южноафриканском таможенном союзе). Стратегия плавающих правил характерна при взаимодействии государств внутри интеграционных объединений, когда доминирующий актор принуждает остальных участников к выгодному для себя сотрудничеству через проведение институциональной политики.

Институциональная интервенция с положительным внешним эффектом. На наднациональном уровне речь идет о стимулировании производства необходимого количества глобальных общественных благ [14; 15; 16; 20]. Под *глобальными общественными благами* принято понимать «блага, обладающие свойствами неконкурентности и неисключаемости с точки зрения участников мировой политико-экономической системы» [2. – С. 266].

Выделяют две категории таких благ: конечные, удовлетворяющие потребности глобального сообщества (поддержание мира, сохранение окружающей среды, стабильность международной торгово-финансовой системы и т. д.), и промежуточные, которые являются условием производства конечных благ (международные

режимы как правила деятельности в политико-экономической системе) [2. – С. 266]. Именно глобальные правила выступают объектами институциональной интервенции. Совместные (кооперативное взаимодействие) усилия акторов по проектированию и внедрению правил, разделяемых большинством мирового сообщества, позволяют снизить трансакционные издержки. Положительный внешний эффект состоит в том, что позже образцы таких правил, получив распространение, становятся стандартом на национальном уровне для многих стран. Права человека, верховенство закона, поддержание экологической дисциплины и т. п. – примеры глобальных общественных благ, институционализация которых облегчает коммуникацию и процесс обмена между участниками международного взаимодействия.

Насильственное равновесие как результат институциональной интервенции

Ключевой характеристикой силового перераспределения выступает состояние *насиленного равновесия*. Оно характеризуется тем, что дальнейшее использование силового потенциала для интервента ведет к снижению легитимности и росту издержек контроля, а сопротивление объекта интервенции установленному институциональному порядку вызывает возрастание издержек неподчинения. Приведенная трактовка отличается от принятой в экономической теории. Ведь обычно результатом равновесия выступает сбалансированность сил и интересов субъектов взаимодействия. И никто из них не имеет мотивов изменять ситуацию. Такое понимание равновесия обусловлено тем, что оно описывает результат поведения экономических агентов при добровольном акте обмена. Насильственное равновесие характеризует недобровольный обмен. Оно предполагает, что одна из сторон находится в состоянии принуждения, добровольный выход из обмена невозможен и набор поведенческих альтернатив строго ограничен. Поэтому при описании насильствен-

ного равновесия речь идет не о распределении взаимного выигрыша от взаимодействия, а о согласовании уровня терпимости (максимальной величины издержек, которую готова нести жертва) и порогового (минимально возможного) значения легитимности интервента. Превышение уровня терпимости жертвы приводит к потере легитимности интервента, социальной напряженности и т. п.

Для описания стабильности равновесия и отклонений от него в допустимых границах необходимы маркеры, сигнализирующие интервенту о достижении пороговых значений. Ими могут выступать *устойчивость* и *легитимность* институциональной интервенции.

Устойчивость. Насильственному равновесию соответствует определенный институциональный дизайн – специфическая конфигурация правил и/или механизмов принуждения, спроектированная интервентом. Однако в силу сложности и стохастичности поведения акторов политико-экономического процесса фактический институциональный дизайн может отличаться от первоначально задуманного интервентом. Степень отличия сложившегося институционального дизайна от проектного можно описать концептом устойчивости.

Критерием устойчивости институционального дизайна может служить степень отличия *ex post* целевой функции от проектируемой интервентом цели *ex ante*. Данный критерий дает основание для выделения двух видов устойчивости институционального дизайна. Во-первых, мутация первоначальной целевой функции, обусловленная, например, сопротивлением жертвы или групп специальных интересов, позволяет говорить о *функциональной устойчивости* – способности сохранять идею интервенции в определенных пределах под воздействием экзогенных/эндогенных, спонтанных/целенаправленных факторов. Во-вторых, проблема устойчивости связана с возможным изменением структуры института (изменение самой

нормы, ограничение круга адресатов нормы, коррекция механизма принуждения). *Структурную устойчивость* можно определить как способность института сохранять/восстанавливать свою структуру в определенных пределах при экзогенных/эндогенных, спонтанных/целенаправленных воздействиях.

Оценка устойчивости позволяет интервенту определить границы отклонения от первоначальной целевой функции. Показатель величины издержек на поддержание институционального дизайна служит ориентиром для поиска эффективных сценариев реализации институциональной интервенции.

Легитимность. Если устойчивость институционального дизайна характеризуется величиной издержек его поддержания, эффективность определяется соотношением выгод и издержек от проведения институциональной интервенции, то легитимность обусловлена степенью распространения новых правил среди целевой группы. Чем больше индивидов соблюдают правила, введенные институциональным субъектом, тем они легитимнее, тем меньше издержек несет интервент. Поскольку одна из сторон включена в недобровольный обмен насильственно, понимание легитимности в данном случае может не содержать характеристик принятия и одобрения со стороны жертвы, как это принято в наиболее распространенных политико-правовых трактовках этого понятия. Здесь легитимность скорее тождественна уровню терпимости жертвы. Чем он выше, тем ниже издержки поддержания институционального дизайна, тем устойчивее и эффективнее для интервента недобровольный обмен. От легитимности зависит степень ресурсного обеспечения институциональной интервенции. В случае высокой легитимности проекта для его сопровождения достаточно угрозы насилия со стороны интервента, чем достигается экономия на издержках принуждения. Институциональные проекты с низким уровнем легитимности требуют большей инвести-

ционной активности от интервента для создания эффективного механизма приуждения.

Значимость легитимации институциональных изменений является не только проблемой национального уровня. Существует мнение [22], что современная мировая политика вписывается в нормативную институциональную структуру, в которой доминируют иерархии и силовые неравенства. Отсюда актуализация легитимации глобальной системы управления. Ключевым подходом при анализе обострения межгосударственного соперничества является определение эндогенной динамики и исследование причинно-следственных механизмов, которые ее обусловили. Однако, на наш взгляд, данный подход следует инструментально дополнить. Это позволит выявить возможные вариации взаимодействия на наднациональном уровне и их влияние на легитимность реализуемых институциональных проектов. Для этого возможно использовать расширение модели «интервент – жертва».

На национальном уровне модель описывает характер взаимодействия двух агрегированных акторов: интервента и жертвы. Отсутствие третьего участника объясняется тем, что интервент обладает наибольшим потенциалом насилия в рамках национальных границ и согласование институциональной политики не требуется. В случае анализа на наднациональном уровне (интеграционное объединение или глобальный политико-экономический процесс) ролевое разнообразие дает основание ранжировать интервентов по потенциалу власти (силы). Если институциональную интервенцию реализует субъект с меньшим потенциалом насилия в определенных границах политико-экономического пространства, то требуется санкционирование (согласование, одобрение) третьей стороны – актора-лидера. Такая практика характерна и при взаимодействиях в отдельных интеграционных группировках, и в мировой политике в целом. Данное об-

стоятельство дает основание для выделения двух видов легитимности: легитимность как реакция жертвы на институциональную интервенцию и легитимность как санкционирование со стороны актора-лидера на действия интервента.

Механизм осуществления институциональных интервенций: обобщенный алгоритм

Предлагаемый авторский подход опирается на принципы системности, последовательности, целенаправленности, эффективности, взаимосвязи и взаимообусловленности. Структура концепции состоит из четырех блоков (рис. 3).

Рис. 3. Структурные элементы концепции институциональных интервенций

1. *Методологическое обеспечение* содержит общую исследовательскую схему проектирования институциональной интервенции. Методологический подход основан на выделении *субъекта* институциональной интервенции, что позволит очертить пространство ответственности при принятии решений; *объекта* институциональной интервенции, что дает возможность описать характер субъектно-объектных отношений с учетом специфики объекта. Формулировка *цели* и *ожидаемого результата* выступает необходимой основой при обосновании инструментального обеспечения институциональной интервенции. *Содержа-*

ние проекта предполагает описание механизмов его осуществления.

2. *Методическое обеспечение* предполагает последовательную реализацию следующего исследовательского алгоритма при проектировании институциональной интервенции:

- анализ существующей институциональной системы;
- выделение институционального кластера;
- выбор скорости и периода осуществления институциональной интервенции;
- формирование общественного мнения;
- возможное использование промежуточных институтов.

3. *Инструментальное обеспечение* дает представление о возможных подходах к оценке институционального проекта.

4. *Институциональные решения* содержат обоснование нового институционального дизайна с учетом анализа существующей институциональной системы.

Под институциональной системой понимается упорядоченная совокупность формальных и неформальных институтов и связей между ними. Анализ проводится по двум ключевым направлениям (рис. 4). Во-первых, определяется степень взаимной противоречивости/непротиворечивости формальных и неформальных институтов. Во-вторых, на основе анализа институциональной динамики определяется вектор трансформации системы ценностей.

Рис. 4. Схема анализа институциональной системы

Степень противоречивости/непротиворечивости формальных и неформальных институтов. Оценка сопряженности позволяет определить потенциал отторжения новых правил со стороны институцио-

нальной системы, а также возможную величину издержек для поддержания устойчивости институциональной интервенции. Критерием устойчивости служит степень отличия *ex post* целевой функции от про-

ектируемой интервенцией цели *ex ante*. В зависимости от меры согласованности (когерентности) существующей институциональной системы возможно несколько вариантов сохранения устойчивости проектируемого институционального дизайна:

а) поглощение нового институционального дизайна и преобладание характеристик старой институциональной системы;

б) равноправное слияние нового и старого дизайнов с взаимным нивелированием характеристик (гибридная форма);

в) образование принципиально нового институционального дизайна с отличными характеристиками.

Вектор трансформации системы ценностей. Проектирование институциональной интервенции требует учета трансформационного тренда ценностно-ментальных особенностей. В общем виде это:

а) зависимость от предшествующей траектории развития (*path dependence*) – одна из ключевых идей эволюции институтов, согласно которой ошибка первоначального институционального выбора в последующем формирует устойчивую институциональную траекторию. В зависимости от сделанного выбора в долгосрочном периоде формируется система неформальных институтов, которая во многом является отражением восприятия политической и экономической сфер жизнедеятельности, регламентирует практики хозяйственной деятельности и при этом обладает высокой степенью сопротивления к изменениям;

б) формирование ожиданий от реализации проекта. Поскольку институциональную интервенцию сопровождает перераспределительный эффект, возникает необходимость в прогнозировании восприятия новой конфигурации институтов среди акторов. Среди значимых изменений необходимо отметить ожидания:

– субъективного ощущения благополучия (качества жизни);

– относительно социального капитала (возрастания уровня доверия);

– трансформации политического режима и системы государственного управления;

– повышения эффективности институтов экономического развития.

Анализ в системе «выгоды – издержки» позволяет дать количественную оценку реализуемому институциональному проекту. Немаловажным элементом, прямо влияющим на успешность проводимых изменений, является действенность компенсационных инструментов. Степень противодействия со стороны экономических и политических агентов, утративших выгоды после проведения реформ, определяется в зависимости от характера компенсаций.

Заключение

Экономический анализ политических процессов невозможен без учета «правил игры». Современная политическая экономика обладает должным эвристическим потенциалом для объяснения феномена недобровольного обмена и сознательного манипулирования «правилами игры». Опора на методологические основания новой политэкономии дает возможность определить теоретические рамки совместного анализа экономической и политической сфер. Концепция институциональных интервенций позволяет в некоторой степени объяснить поведенческие мотивы акторов в условиях неравномерного распределения власти и ее использования как конкурентного преимущества в политико-экономическом пространстве. Обозначенные выше подходы и методы анализа предложены в предельно общей постановке, требуют конкретизации и адаптации в зависимости от типологии институциональных интервенций. Однако общий инструментальный контур позволяет говорить о возможности использования предложенных подходов в институциональных техниках анализа, отдающих предпочтение синтезу каузального и модельного методов познания.

Список литературы

1. Асемоглу Д., Робинсон Дж. Экономические истоки диктатуры и демократии / пер. с англ. С. В. Моисеева; под науч. ред. Л. И. Полищука, Г. Р. Сюняева, Т. В. Натхова. – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2015.
2. Афонцев С. А. Политические рынки и экономическая политика. – М. : КомКнига, 2010.
3. Балацкий Е. В., Плискевич Н. М. Экономический рост в условиях экстрактивных институтов: советский парадокс и современные события // Мир России. Социология. Этнология. – 2017. – Т. 26. – № 4. – С. 97–117.
4. Бродский Б. Е. Экономические модели обмена // Экономика и математические методы. – 2008. – Т. 44. – № 4. – С. 72–89.
5. Волков В. В. Силовое предпринимательство: экономико-социологический анализ. – М. : Изд. дом ГУ ВШЭ, 2005.
6. Кригер Э. О. Бедность и богатство государств в условиях глобализации: от эффективного управления к достойной жизни. – URL: file:///C:/Users/Домашний/Downloads/_061803rpdf.pdf
7. Кристиневич С. А. Институциональные интервенции как рациональный выбор: микроэкономические основания недобровольного обмена // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. – 2018. – № 6. – С. 24–39.
8. Кристиневич С. А. Типология институциональных интервенций в контексте силовых перераспределительных процессов // Белорусский экономический журнал. – 2018. – № 3. – С. 124–135.
9. Кугушева А. От информационных войн к поведенческим // Информационные войны. – 2016. – Т. 37. – № 1. – С. 11–23.
10. Левин С. А., Саблин К. В. Концепция рынков власти как методология исследования институциональной организации современной российской экономики и общества // Journal of Institutional Studies. – 2018. – № 4. – С. 97–111.
11. Норт Д., Уоллис Дж., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. – М. : Изд-во Института Гайдара, 2011.
12. Олсон М. Власть и процветание: Перерастая коммунистические и капиталистические диктатуры. – М. : Новое издательство, 2012.
13. Besouw B. van, Ansink E., Bavel B. van. The Economics of Violence in Natural States // MPRA Paper. – 2016. – N 71708.
14. Du J., Tang L. Evolution of Global Contribution in Multi-Level Threshold Public Goods Games with Insurance Compensation // Journal of Statistical Mechanics: Theory and Experiment. – 2018. – URL: https://www.researchgate.net/publication/322651325_Evolution_of_global_contribution_in_multi-level_threshold_public_goods_games_with_insurance_compensation
15. Estevadeordal A., Goodman L. 21st Century Cooperation Regional Public Goods, Global Governance, and Sustainable Development. – London; New York : Routledge, 2017.
16. Kocher M., Tan F., Yu J. Providing Global Public Goods: Electoral Delegation and Cooperation // Econ Inq. – 2018. – Vol. 56. – P. 381–397.
17. Konrad K., Skaperdas S. The Market for Protection and the Origin of the State // Economic Theory. – 2012. – Vol. 50 (2). – P. 417–443.
18. Lane F. Economic Consequences of Organized Violence // Journal of Economic History. – 1958. – Vol. 18 (4). – P. 401–417.
19. Mander J., Baker D., Korten D. Does Globalization Help the Poor? // IFG Bulletin. – 2001. – Vol. 1. – Issue 3.

20. Moon S., Røttingen J., Frenk J. Global Public Goods for Health: Weaknesses and Opportunities in the Global Health System // *Health Economics, Policy and Law*. – 2017. – Vol. 12. – Issue 2. – P. 195–205.

21. Skaperdas S. The Costs of Organized Violence: a Review of the Evidence // CESifo Working Paper. – 2009. – N 2704.

22. Zürn M. A Theory of Global Governance: Authority, Legitimacy, and Contestation. – Oxford : Oxford University Press, 2018.

References

1. Asemoglu D., Robinson Dzh. *Ekonomicheskie istoki diktatury i demokratii* [The Economic Origins of Dictatorship and Democracy], translated from English by S. V. Moiseev; edited by L. I. Polishchuk, G. R. Syunyaev, T. V. Natkhov. Moscow, The Higher School of Economics Publishing House, 2015. (In Russ.).

2. Afontsev S. A. *Politicheskie rynki i ekonomicheskaya politika* [Political Markets and Economic Policy]. Moscow, KomKniga, 2010. (In Russ.).

3. Balatskiy E. V., Pliskevich N. M. *Ekonomicheskiy rost v usloviyakh ekstraktivnykh institutov: sovetskiy paradoks i sovremennye sobytiya* [Economic Growth in the Context of Extractive Institutions: the Soviet Paradox and Current Events]. *Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya* [The World of Russia. Sociology. Ethnology], 2017, Vol. 26, No. 4, pp. 97–117. (In Russ.).

4. Brodskiy B. E. *Ekonomicheskie modeli obmena* [Economic Models of Exchange]. *Ekonomika i matematicheskie metody* [Economics and Mathematical Methods], 2008, Vol. 44, No. 4, pp. 72–89. (In Russ.).

5. Volkov V. V. *Silovoe predprinimatelstvo: ekonomiko-sotsiologicheskii analiz* [Power Entrepreneurship: Economic and Sociological Analysis]. Moscow, Publisher Gaidar Institute, 2005. (In Russ.).

6. Kriger E. O. *Bednost i bogatstvo gosudarstv v usloviyakh globalizatsii: ot effektivnogo upravleniya k dostoynoy zhizni* [Poverty and Wealth of States in the Context of Globalization: from Effective Governance to a Decent Life]. (In Russ.). Available at: file:///C:/Users/Domashniy/Downloads/_061803rpdf.pdf

7. Kristinevich S. A. *Institutsionalnye interventsii kak ratsionalnyy vybor: mikroekonomicheskie osnovaniya nedobrovolnogo obmena* [Institutional Interventions as a Rational Choice: Microeconomic Basis of the Involuntary Exchange]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 6. Ekonomika* [Bulletin of Moscow University. Series 6. Economy], 2018, No. 6, pp. 24–39. (In Russ.).

8. Kristinevich S. A. *Tipologiya institutsionalnykh interventsii v kontekste silovykh pereraspredelitelnykh protsessov* [Typology of Institutional Interventions in the Context of Power Redistributive Processes]. *Belorusskiy ekonomicheskiy zhurnal* [Belarusian Economic Journal], 2018, No. 3, pp. 124–135. (In Russ.).

9. Kugusheva A. *Ot informatsionnykh voyn k povedencheskim* [From Information Wars to Behavioral]. *Informatsionnye voyny* [Information Wars], 2016, Vol. 37, No. 1, pp. 11–23. (In Russ.).

10. Levin S. A., Sablin K. V. *Kontseptsiya rynkov vlasti kak metodologiya issledovaniya institutsionalnoy organizatsii sovremennoy rossiyskoy ekonomiki i obshchestva* [The Concept of Power Markets as a Methodology for Studying the Institutional Organization of the Modern Russian Economy and Society]. *Journal of Institutional Studies* [Journal of Institutional Studies], 2018, No. 4, pp. 97–111. (In Russ.).

11. Nort D., Uollis Dzh., Vayngast B. Nasilie i sotsialnye poryadki [Violence and Social Orders]. Moscow, Publisher Gaidar Institute, 2011. (In Russ.).
12. Olson M. Vlast i protsvetanie: Pererastaya kommunisticheskie i kapitalisticheskie diktatury [Power and Prosperity: Outgrowing Communist and Capitalist Dictatorships]. Moscow, New Publishing, 2012. (In Russ.).
13. Besouw B. van, Ansink E., Bavel B. van. The Economics of Violence in Natural States. *MPRA Paper*, 2016, No. 71708.
14. Du J., Tang L. Evolution of Global Contribution in Multi-Level Threshold Public Goods Games with Insurance Compensation. *Journal of Statistical Mechanics: Theory and Experiment*, 2018. Available at: https://www.researchgate.net/publication/322651325_Evolution_of_global_contribution_in_multi-level_threshold_public_goods_games_with_insurance_compensation
15. Estevadeordal A., Goodman L. 21st Century Cooperation Regional Public Goods, Global Governance, and Sustainable Development. London; New York, Routledge, 2017.
16. Kocher M., Tan F., Yu J. Providing Global Public Goods: Electoral Delegation and Cooperation. *Econ Inq.*, 2018, Vol. 56, pp. 381–397.
17. Konrad K., Skaperdas S. The Market for Protection and the Origin of the State. *Economic Theory*, 2012, Vol. 50 (2), pp. 417–443.
18. Lane F. Economic Consequences of Organized Violence. *Journal of Economic History*, 1958, Vol. 18 (4), pp. 401–417.
19. Mander J., Baker D., Korten D. Does Globalization Help the Poor? *IFG Bulletin*, 2001, Vol. 1, Issue 3.
20. Moon S., Røttingen J., Frenk J. Global Public Goods for Health: Weaknesses and Opportunities in the Global Health System. *Health Economics, Policy and Law*, 2017, Vol. 12, Issue 2, pp. 195–205.
21. Skaperdas S. The Costs of Organized Violence: a Review of the Evidence. *CESifo Working Paper*, 2009, No. 2704.
22. Zürn M. A Theory of Global Governance: Authority, Legitimacy, and Contestation. Oxford, Oxford University Press, 2018.

Сведения об авторе

Сергей Анатольевич Кристиневич
кандидат экономических наук, доцент,
доцент кафедры экономической теории
БГЭУ.
Адрес: Белорусский государственный
экономический университет,
Республика Беларусь, 220070, Минск,
Партизанский проспект, д. 26, корп. 1.
E-mail: kristinevich@gmail.com

Information about the author

Sergey A. Kristinevich
PhD, Assistant Professor,
Assistant Professor of the Department
for Economic Theory of the Belarusian
State Economic University.
Address: Belarusian State Economic
University, 26-1 Partizanski Avenue,
Minsk, 220070, Republic of Belarus.
E-mail: kristinevich@gmail.com